

Внезапно раздался стук в дверь. Янь Ся открыл. Слуга спросил, не заходил ли кто. Янь Ся уже спрятал всё нужное и спокойно позволил осмотреть комнату. Тот, ничего не найдя, поспешно удалился, бормоча: «Это второй господин? Так изменился...»

Шэнь Юй усмехнулся:

— Видимо, Павильон Линфан не слишком расторопен.

Янь Ся не ответил и лёг спать.

На следующий день он узнал причину. Юнь Сяо рассказала: вчера хозяйка с хозяином поссорились. Приближается свадьба второй дочери.

Как раз готовили приданое — хозяйка души не чаяла в своей единственной дочери, выдаваемой замуж за чужака, потому всё делалось с особым тщанием. Большинство слуг были заняты, поэтому вчерашним происшествием пренебрегли.

Хозяин, потеряв что-то, разъярился, а хозяйка дерзко ответила. В гневе он запретил ей выходить из комнаты на несколько дней. Та пришла в ярость и принялась крушить всё вокруг — ведь вся область Янь знала, как хозяйка Павильона Линфан любит прогулки.

Юнь Сяо рассказала это с усмешкой. Янь Ся слушал с неопределённым выражением лица. Шэнь Юй заметил:

— Просто послушай и забудь. Эта девочка не считает твою мачеху значимой, потому и не приняла в расчёт. Но мачеха твоя — не простая. Как так вышло, что именно когда слуг меньше всего, объявился вор, которого даже старый мастер-управляющий не смог поймать?

Янь Ся сказал Юнь Сяо:

— Пойду почитаю. Спасибо, что рассказала.

После её ухода он спросил Шэнь Юя:

— Думаешь, она сама всё подстроила? Но зачем? Через сто лет всё богатство достанется её сыну.

Шэнь Юй ответил:

— Люди сложны. Сегодня думают одно, завтра — другое. Прожив столько лет с твоим отцом, скрываясь под личиной, — кто знает, что у неё на уме.

Янь Ся спросил:

— Значит, все меняются?

Шэнь Юй взглянул в окно, и последние слова прозвучали как вздох:

— Нет. Но таких — мало.

Род Цинь был главным в области Янь. Хотя чиновников обычно не назначали на родину, у тайшоу Циня были крепкие связи при дворе, и он сумел выхлопотать назначение в родные края. Его старший сын, жених Янь Сьюань, был статен и красив. Благодаря старательному воспитанию, он сдал экзамены, стал тайшоу в другом месте — недалеко от области Янь. Ему

уже под тридцать, а он всё не женат — семья забеспокоилась. Осмотрели всех девиц в области Янь. Хотя семья Янь и имела дурную славу в мире боевых искусств, с властями у них не было распрей. Мать Циня и мать Янь были подругами с детства, росли на глазах друг у друга, доверяли — потому и решили породниться.

В это время Янь Минчжоу был в доме Циней. Ему доложили: вчера кто-то видел, как вор скрылся в их усадьбе. Хотя он и подозревал, что это уловка, но осторожность не помешала. То была одна из ценностей, добытых предательством Горы Гуйянь, и единственная, которую он так и не смог постичь. В книге имелся потайной слой — четверть карты. Он не знал, карты чего, но если Гора Гуйянь так тщательно скрывала — вещь была необычной.

Глава рода Цинь принял его. Янь Минчжоу было около сорока, но благодаря уходу он выглядел моложе. У главы Циней виски уже тронула седина. «Наверное, это боевые искусства», — с лёгкой завистью подумал он.

Зависть промелькнула мгновенно — он вспомнил: сегодняшний визит слишком уж кстати. Возможно, его подставили.

— Старый друг, что привело? Неужто ради своей жемчужины? — спросил Цинь.

Янь Минчжоу горько улыбнулся:

— Брат, не подтрунивай. Вчера в доме был вор, слуги оказались никудышными. Говорят, тот скрылся в твоём заднем дворе. Я не сомневаюсь в тебе — украденное не столь ценно, — но беспокоюсь о безопасности твоей семьи.

Глава Циней нахмурился, велел слугам обыскать усадьбу. Вскоре нашли ларец, который он и передал Янь Минчжоу. Тот, видя любопытство хозяина, открыл его — внутри лишь разорванная книга, карта исчезла.

Янь Минчжоу в ярости вернулся домой, где слуги подали ему письмо — для личного прочтения. Он вскрыл — автор требовал карту и назначал встречу в глухом лесу.

День ясный, небо безоблачно, воздух сух.

За туалетным столиком мачеха Янь Ся, Цзя Нинчжи, наносила пышный макияж, уголки губ подрагивали в холодной усмешке. Слуга доложил: прибыла труппа «Одеяние бабочки».

Труппа эта недавно стала популярной в области Янь. Цзя Нинчжи восседала на возвышении, внизу как раз выступил актёр в роли Циня: «Кто отполировал сей летящий зеркальный диск, что светит небу и земле, пронзает горы и реки...»

Цзя Нинчжи, услышав, тихо сказала стоящей рядом дочери Янь Сьюань:

— Ненавидишь меня?

Янь Сьюань подумала. — Возможно, больше ненавижу эту фамилию.

Цзя Нинчжи прикрыла глаза ладонью, сдерживая слёзы. Голос дрогнул:

— Я всех подвела. Никого не оправдала.

Внизу слуги шептались недовольно:

— Хозяин уехал, а хозяйка нарушила приказ, вышла из покоев. В последние дни учеников не мало полегло, а она — театр смотрит. Хозяин вернётся — гневу не будет предела.

Кто-то добавил:

— Их дело. Нам, слугам, не след рассуждать.

Шёпот быстро стих. Цзя Нинчжи, наблюдая за этим, усмехнулась. — Братец твой, поди, скоро вернётся? — спросила она у Янь Сьюань.

Та тихо ответила:

— Судя по времени — скоро.

Цзя Нинчжи лицо озарила зловещая улыбка. — Тогда и хозяин скоро вернётся.

Послушав ещё немного, она наградила труппу и отпустила. Посидев, получила весть: хозяин вернулся. Цзя Нинчжи ещё раз взглянула на Янь Сьюань, голос прозвучал глухо, но твёрдо:

— Пойдём.

Янь Сьюань направилась ко двору Янь Ся.

Тем временем Янь Ся собирал вещи. Юнь Сяо сказала ему: семье Янь грозит большая беда, и единственный способ избежать её — уйти. Получив его обещание, она хотела уйти вместе с ним — к людям здесь она сострадания не питала. Судя по гаданиям, те, кого постигнет кара, того заслуживают.

Янь Сьюань пришла в маленький двор и увидела Янь Ся у входа.

Янь Ся, услышав шаги, обернулся — перед ним стояла девушка, миловидная, со строгими чертами.

— Вы кто? — спросил он.

— Янь Сьюань. Имя означает «помнить истоки».

Янь Ся на мгновение застыл, затем расслабился — теперь он разглядел: она немного похожа на Цзя Нинчжи, но материнская яркая, броская красота в ней почти не проявилась, черты были куда скромнее. — Чем могу помочь? — спросил он ровно.

Янь Сьюань выглядела слегка огорчённой:

— Хотела проявить заботу о дорогом братце, а встречаю такой приём. Но кто виноват — столько лет не виделись, братской любви и не осталось.

Янь Ся подумал: «Не то что не виделись — вообще не знали».

Янь Сьюань заметила насмешку в его взгляде, отбросила жалобный тон. — Я здесь, чтобы спасти тебя. Если не уйдёшь до ночи — все в Павильоне Линфан умрут. Возможно, и раньше.

Янь Ся изумился — слова совпадали с гаданием Юнь Сяо. — Это ты устроила? — спросил он.

Янь Сьюань презрительно скривила губы:

— Не твоё дело. Я просто спасаю тебя.

Янь Ся заметил за её спиной чью-то тень и громко сказал:

— Но я тебе не верю.

Янь Сьюань вздохнула:

— Ло Шанси. Имя твоей матери и сестры. Дочь рода Ло с Горы Гуйянь. Она спасла мою мать.

Янь Ся, услышав, вспомнил, как вела себя его мать, — благодарности в её поступках не видел. Если считать, что смерть сестры благодетельницы и замужество за её мужа — это благодарность, а холодность к сыну сестры — тоже благодарность, то такая благодарность была отвратительна.

— И что? — сказал он. — Пришла посмотреть, можно ли ещё что-то выжать из сына сестры своей благодетельницы?

Янь Сьюань собралась ответить, но в неё попал камешек, и она замерла. Юнь Сяо, закончив сборы, вышла.

Подойдя к Янь Ся, она тихо сказала:

— Она не лжёт. Гадание говорит именно об этом.

Янь Ся смотрел с недоумением, думая, что его понимание благодарности, видимо, сильно отличается от понимания этой матери и дочери.

<http://bllate.org/book/16277/1465392>